

Глядя на маленькую Дайюй, чьё детское личико так явно светилось восторгом и любопытством, Линь Хай невольно улыбнулся. Он купил для неё бумажный фонарик в форме белого кролика и с мягкой усмешкой стал наблюдать, как дочь крайне замешалась.

— Что такое, Юй-эр? Не нравится?

Дайюй подняла на отца сияющие глаза, слегка прикусила губу и тихонько пробормотала:

— Юй-эр уже взрослая. Я больше не маленькая.

Ей казалось, что такой подарок чересчур ребяческий. Однако не успела она договорить, как Линь Хай тихо рассмеялся, отчего девочка мгновенно покраснела. Ласково погладив её по голове, отец тепло произнёс:

— Моя послушная Юй-эр ещё совсем кроха, так что этот фонарик тебе в самый раз.

Смущённая Дайюй уткнулась лицом в плечо отца, прячась в его тёплых объятиях. Ей так хотелось показать батюшке, что она уже совсем взрослая, а её лишь подняли на смех.

Линь Хай, прекрасно понимавший трогательные девичьи думы, принялся утешать её:

— Конечно-конечно, моя Юй-эр выросла и стала куда выше прежнего. Но если мы продолжим препираться, то пропустим всё самое интересное. Может, тогда сразу вернёмся домой?

Услышав это, Дайюй испуганно вскинула голову — возвращаться так рано ей совсем не хотелось! Но стоило ей увидеть, что отец лукаво смотрит, как она сразу поняла: её просто дразнят. Забавно надув щёчки, она с напускной обидой проворчала:

— Батюшка вечно потешается над Юй-эр!

— Виноват, каюсь, — ласково обнял её Линь Хай. — Простишь ли ты своего непутёвого отца? Хочешь, пойдём разгадывать загадки?

Дайюй радостно просияла, однако она постаралась сохранить на лице строгое выражение и важно ответила:

— Вот если батюшка выиграет мне много-много красивых фонариков, тогда Юй-эр его простит.

— Договорились. Обещаю, сегодня весь твой дворик будет сиять разноцветными огнями, — с готовностью согласился Линь Хай, готовый исполнить любое невинное желание своей любимицы.

Позабыв про обиды, Дайюй поудобнее устроилась у отца на руках. Она заворожённо оглядывала праздничную улицу и то и дело указывала пальчиком на понравившиеся фонари. Батюшка без труда разгадывал висящие на них свитки, а когда загадки попадались попроще, девочка пробовала свои силы. Очень скоро слуги, шедшие следом, едва справлялись с охапками выигранных трофеев.

Эта живописная пара — представительный господин и прелестная малютка — быстро привлекла к себе внимание толпы. Впрочем, завидев вышколенную свиту, праздные зеваки понимали, что перед ними знатные люди, и не смели приближаться, ограничиваясь лишь любопытными взглядами издалека.

К тому же Линь Хай, хоть и перешагнул уже тридцатилетний рубеж, был статен, изыскан и держался с истинно благородным изяществом. Юные затворницы, впервые выбравшиеся на праздник без строгого надзора, не могли удержаться от скромных вздохов, тайком разглядывая его утончённый профиль. И пускай в их сердцах не рождалось пылкой страсти, этот мягкий, заботливый отец, так нежно прижимающий к себе дочь, невольно вызывал у них трепетное восхищение.

Сам Линь Хай всегда оставался глух к подобным проявлениям внимания. Почувствовав на себе излишне настойчивые взгляды, он лишь слегка нахмурился, ощущая лёгкое недовольство, но не стал придавать этому значения.

Но тут сквозь шум ярмарки донёсся чей-то громкий возглас:

— Ба! Неужто впереди сам господин Линь?

Линь Хай обернулся. К ним приближалась группа людей во главе с человеком, чей вид заставил его мгновенно похолодеть.

— А, господин Чжэнь, — сухо отозвался Линь Хай, даже не пытаясь скрыть неприязни. — Какими судьбами?

Окликнувшим его оказался второй сын семейства Чжэнь, младший брат Чжэнь Инцзя — Чжэнь Инсянь. Учитывая, что отношения между кланами Линь и Чжэнь давно переросли в глухую, непримиримую вражду, Линь Хай не видел ни малейшего смысла разыгрывать радушие.

Однако Чжэнь Инсянь, то ли не заметив ледяного тона, то ли намеренно проигнорировав его, с фальшивой улыбкой шагнул ближе:

— В такой праздничный вечер у господина Линя, я гляжу, отменное расположение духа! — Он перевёл масляный взгляд на девочку. — А это, должно быть, ваша очаровательная дочка, моя племянница?

Линь Хай инстинктивно прижал Дайюй плотнее к груди, он брезгливо поморщился.

— Благодарю за внимание, господин Чжэнь, но у меня есть неотложные дела. Честь имею кланяться, — отрезал он.

Тратить время на лицемерные любезности с врагом Линь Хай не собирался. Маленькая Дайюй, хоть и не понимала сути происходящего, мгновенно уловила внезапную суровость отца и притихла, крепко обхватив его за шею и не проронив ни звука.

Наблюдая, как Линь Хай разворачивается и уходит, даже не попрощавшись как следует, Чжэнь Инсянь позеленел от злости. Перегородить дорогу он не решился: что бы ни замышлялось за закрытыми дверями, официально тот стоял на иерарческой лестнице гораздо выше него.

Один из прихлебателей Чжэней, заметив, как уязвлено самолюбие его покровителя, тут же подскочил ближе и зашептал на ухо:

— Второй господин Чжэнь, этот Линь Хай совсем обнаглел, цену себе набивает! Ничего, придёт время, и мы сотрём его в порошок.

Чжэнь Инсянь злобно зыркнул на подлеца:

— Заткни пасть! Не твоего ума дело.

Однако он тут же хищно и зловеще усмехнулся:

— А девчонка у господина Линя, признаться, чудо как хороша. Мала ещё, а уже видна порода — вырастет редкой красавицей. Поговаривают, Линь Хай больше не намерен жениться... Интересно, кому же в итоге достанутся несметные богатства дома Линь вместе с этой юной прелестницей?

Спутники притихли, смекнув, куда клонит их господин, но после недавнего нагоняя никто не посмел вставить и слова. Чжэнь Инсянь лишь презрительно фыркнул, глядя на их робкие мины. Обида, нанесённая Линь Хаем прилюдно, жгла его изнутри, и он твёрдо вознамерился поквитаться с напыщенным инспектором соляного надзора.

Отойдя подальше от шайки Чжэней, Линь Хай окончательно лишился праздничного настроения. Рядом была дочь, и безопасность Юй-эр стояла для него на первом месте — от этих безумцев из клана Чжэнь можно было ожидать любой низости.

Дайюй, хоть и жаль было покидать шумную весёлую ярмарку, оказалась удивительно чуткой

девочкой. Почувствовав тревогу отца, она ласково прижалась к его щеке и улыбнулась:

— Батюшка, Юй-эр уже немножко устала. Давай вернёмся домой? Мне ведь ещё нужно развесить все наши фонарики в саду. Если затянем, станет совсем темно, и мы ничего не успеем.

Линь Хай с нежностью посмотрел на дочь, понимая, что она лишь пытается его успокоить. Он ласково щелкнул её по кончику носа:

— Умница моя. Возвращаемся. Я лично помогу тебе всё украсить.

Они поспешили к экипажу, даже не подозревая, какой невероятный сюрприз ждёт их дома.

Ступив на землю перед усадьбой, Линь Хай замер. Прямо у входа высилась знакомая статная фигура. Инспектор на мгновение обрадовался, но тут же поспешил скрыть это за привычной сдержанностью. Зато маленькая Дайюй не стала сдерживать чувств. С восторженным писком она сорвалась с места:

— Дядюшка Жуй!

Сыту Жуй широко улыбнулся и, сделав шаг навстречу, легко подхватил подбежавшую девочку на руки.

— Что же вы так рано вернулись, егоза? Неужели на праздничных улицах оказалось скучно?

Дайюй, устроившись у него на плече, взмахнула защебетала:

— Вовсе нет, там было так весело! Батюшка разгадал кучу загадок и выиграл целую гору фонариков, и я тоже парочку получила! Вот, приехали скорее их развешивать.

Взглянув на слуг, которые бережно тащили охапки разноцветных бумажных конструкций, Сыту Жуй одобритительно рассмеялся:

— Какая же наша Юй-эр умница!

К этому моменту Линь Хай полностью овладел собой и подошёл ближе.

— Как ты здесь оказался в такой час? — негромко спросил он. — Сегодня ведь Праздник фонарей, разве в императорском дворце не устраивают торжественный пир?

Сыту Жуй, уловив скрытую тревогу в его голосе, успокаивающе кивнул:

— Не беспокойся, я обо всём позаботился заранее.

Линь Хай всё ещё сомневался, но в присутствии дочери расспрашивать о государственных делах не следовало, поэтому он решил отложить этот разговор.

К счастью, всё внимание Дайюй сейчас было поглощено долгожданным гостем, и она не заметила мимолётного напряжения между взрослыми.

В итоге они втроем отправились украшать девичий дворик Дайюй. Разумеется, всю тяжёлую работу выполняли слуги, а хозяйева лишь руководили процессом. Девочка с гордостью указывала на каждый фонарик, объясняя Сыту Жую, какие загадки разгадал её отец, а с какими она справилась сама. Кругом царила атмосфера чистого, семейного тепла.

Стоявшая поодаль матушка Лю, наблюдая за этой трогательной сменой сцен и тем, как ладят великий князь и маленькая барышня, незаметно смахнула набежавшую слезу. Сердце её щемило от светлой грусти: пусть вокруг плетутся интриги, главное, что великий князь наконец-то выглядит по-настоящему счастливым.

Но Дайюй была ещё слишком мала, и праздничная кутерьма быстро истощила её детские силы. Вскоре она начала тереть глаза и зевать. Взрослые сразу заметили её усталость и мягко посоветовали идти спать, однако разгулявшаяся девочка заартачилась, наотрез отказываясь покидать их. Видя, как дочь капризничает от переутомления, Линь Хай не выдержал и строго прикрикнул на неё.

Но не успели строгие слова сорваться с губ отца, как Сыту Жуй примиряюще коснулся его плеча:

— Полно тебе, Хай-эр, к чему эта строгость? Юй-эр ещё дитя. — Он присел перед девочкой и ласково заглянул ей в глаза. — Уже очень поздно, маленькая принцесса. Иди отдыхать, хорошо? Твой дядюшка Жуй обещает, что завтра все эти фонарики будут сиять точно так же, как и сегодня.

Дайюй шмыгнула носом, почувствовав обиду. Она вовсе не хотела показаться непослушной, просто этот день принёс ей столько радости, что расставаться со сказкой не хотелось. Услышав ласковые слова Сыту Жуя, она робко покосилась на отца и притихла.

Линь Хай души не чаял в дочери и сам лелеял её больше жизни. Стоило ему прикрикнуть на неё, как сердце его сжалось от раскаяния. Заметив её испуганный взгляд, он опустил рядом и тихо произнёс:

— Прости меня, Юй-эр. Ступай в постель, глупышка. Твоё здоровье и так слабое, если ты заболеешь, моё сердце разорвётся от тревоги. Батюшка обещает, что мы ещё не раз выберемся на праздник вместе, хорошо?

Вся обида девочки мгновенно улетучилась. Она крепко обняла отца за шею:

— Обещаешь? Чтобы честно-пречестно!

Гладя её по мягким шёлковым волосам, Линь Хай с улыбкой ответил:

— Слово отца нерушимо. Ступай.

Успокоенная Дайюй послушно взяла за руку подошедшую няню и отправилась в свои покои.

Проводив взглядом дочь, Линь Хай тяжело вздохнул. Сыту Жуй шагнул ближе и негромко спросил:

— Что с тобой сегодня? На тебе лица нет. Случилось что-то на ярмарке?

Линь Хай бросил на него косой взгляд и со слабым смешком покачал головой:

— Конечно, великий князь у нас всегда добрый защитник, а мне досталась роль сурового надсмотрщика.

— Виноват, признаю! — рассмеялся Сыту Жуй, шутливо и примирительно подняв руки. — В следующий раз обещаю взять суровый тон на себя.

Линь Хай отвернулся, пряча улыбку, но в глубине души понимал, что друг прав: сегодня он действительно был излишне раздражителен. Однако воспоминание о встрече с Чжэнь Инсянем камнем лежало у него на сердце, лишая душевного покоя.

— Хай-эр, я же вижу, что ты сам не свой. Расскажи, в чём дело, — уже серьёзно попросил Сыту Жуй, заметив, как Линь Хай снова забеспокоился.

Линь Хай опустил в кресло, сделал глоток принесённого слугами горячего чая и после недолгого молчания произнёс:

— На ярмарке мы столкнулись со вторым господином Чжэнем. Он обратил внимание на Юй-эр. Это... внушает мне серьёзные опасения.

Сыту Жуй бережно долил ему чаю и спокойно ответил:

— Эти Чжэни действительно обнаглели вкрай, но не забивай себе голову. Неужто ты думаешь, что я позволю им чинить беззаконие под моим носом? К слову, перед самым отъездом из столицы я получил известие: указ о вызове Чжэнь Инцзя в столицу будет подписан сразу после

Нового года. Так что действуй смело, претворяй в жизнь свои планы. А за безопасность Юй-эр не переживай — за ней присмотрю я лично.

Линь Хай в изумлении вскинул на него глаза:

— Ты собираешься остаться в Янчжоу?

— А как иначе? — Сыту Жуй подошёл вплотную и накрыл его ладонь своей. — Я уже договорился с императором: пока на границах спокойно, меня не станут отзывать обратно во дворец.

Он заглянул ему в глаза, и в его голосе прозвучала глубокая, давно сдерживаемая нежность:

— Мы и так потеряли слишком много лет, Хай-эр. Неужели ты снова прогонишь меня? Даже не думай. Отныне я буду следовать за тобой тенью, куда бы ты ни направился.

От этих слов Линь Хай густо покраснел. Он поспешно вырвал руку и проворчал:

— Сколько тебе лет, а всё туда же! Не стыдно ли нести подобный вздор?

Смущённый до предела, он поднялся, собираясь уйти.

Сыту Жуй, прекрасно зная эту его привычку прятаться за напускной строгостью, поспешил преградить ему путь:

— Полно сердиться. Давай сегодня побудем вместе? Поговорим обо всём... как в старые добрые времена.

Линь Хай внезапно замер. Он перестал улыбаться, и его лицо стало печально серьёзным. Он покачал головой:

— Нельзя.

Великий князь мгновенно перестал улыбаться. Сердце его сжалось от непонимания. Почему? Разве они не простили друг другу старые обиды?

Однако он быстро подавил поднявшуюся в душе горечь. Они были разлучены слишком долго, и Линь Хай, возможно, просто ещё не был готов к былой близости. Сыту Жуй убеждал себя проявить терпение, но в груди всё равно заныла тупая обида.

В комнате повисло тяжёлое, гнетущее молчание. Прошло несколько долгих мгновений, прежде

чем Линь Хай негромко, но твёрдо произнёс:

— Минь-эр не стало меньше года назад. Между нами никогда не было безумной страсти, но все эти долгие годы именно она делила со мной и радости, и невзгоды. Чего бы ни требовало моё сердце, я обязан соблюсти приличия и почтить её память годовым трауром по супруге.

С этими словами он мягко высвободил руку и, больше не глядя на Сыту Жуя, тихими шагами покинул залу.

<http://bllate.org/book/18189/1759142>